

УДК 316.6

КВАЗИЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ТРАЕКТОРИЙ И ЛИЧНОСТНЫХ ФАКТОРОВ ПСИХОПРОФИЛАКТИКИ РАДИКАЛИЗАЦИИ И ЭКСТРЕМИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ¹

Э.И. Мещерякова^а, А.В. Ларионова^а, Н.В. Козлова^а, И.А. Куликов^а

^а Томский государственный университет, 634050, Россия, Томск, пр. Ленина, д. 36

Разведены, уточнены и определены понятия радикализма и экстремизма, их соотношение и различие. С целью изучения особенностей влияния деструктивной информации на молодежь был реализован трехэтапный исследовательский эксперимент по особенностям восприятия молодежью деструктивного интернет-контента. Отмечена назревшая объективная необходимость развития у молодежи умений делать сознательный личностный выбор в условиях лавинообразного нарастания количества информации и развития неопределенности глобализирующегося мира.

Ключевые слова: молодежь; эксперимент; интернет-пространство; деструктивный контент; экстремизм; дерадикализация; неопределенность.

В настоящее время мировое научное сообщество проводит большой объем работ по вопросам экстремизма и радикализма. Отечественные психологи также создают перспективные модели исследования этих явлений и противодействия им. Такие модели базируются на культурно-историческом подходе Л.С. Выготского, А.Р. Лурии и А.Н. Леонтьева и на главном следствии этого подхода – релевантности психического общественным и культурным условиям и запросам [1–3]. Значительные изменения современного мира задают особую логику, статус и терминологию психологической интерпретации происходящего. Сегодняшняя эпистемологическая волна обусловлена обозначившейся актуальной тематикой – изменяющейся, неопределенной социальной средой, концептуальным разнообразием науки, осознанием транзитивности как одного из ведущих факторов развития современного человека и особенностями его социализации. Ведущие тенденции современности – глобализация, цифровизация-виртуализация, трансформация ценностей и возрастающая сложность реальности – называются исследователями по-разному: «информационная эпоха», «постиндустриальная эпоха», «эпоха коммуникаций», «текущая современность» и «ускользающий мир», по З. Бауману и Э. Гидденсу, и в контекстах А.Г. Асмолова – «сетевое столетие» [4–7]. Описывая модели современного мира, известный немецкий социолог У. Бек (2000) назвал его «обществом риска». «Обще-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-01116 А «Психология формирования и профилактики современного экстремизма».

ство риска» – это объединительная интегральная концепция развития современного социума с повышенной рискогенностью, наличием различного рода угроз и опасностей [8]. Но ситуации неопределенности, риска являются, по Н. Луману (2004), естественными для общества как самоорганизующейся системы [9]. Эту растущую и расширяющуюся неопределенность психологи относят к специфике XXI в. в целом [7, 10, 11]. Конструкт неопределенности отечественные психологи соотносят с понятиями выбора, принятия решений, личностного самоопределения, процессами когнитивной и личностной регуляции [12].

Неопределенность, хаос и неразбериха в обществе способствуют росту радикалистских устремлений молодежи в силу отмеченного еще Ж.Ф. Лиготаром (1994) свойства человечества отвечать на рост неопределенности, сложности и разнообразия окружающего мира дифференциацией на «людей, готовых воспринимать сложное, и людей, склонных к упрощению реальности» [13]. Последних характеризуют дефицит индивидуальности, когнитивная простота и недифференцированность средств саморегуляции, поэтому, например, глобальное информационное пространство Интернета помогает таким людям преодолевать дискомфорт тягостного ощущения неопределенности. К слову сказать, существует и иной стиль совладания с неопределенностью – вызов любопытству, фантазии, креативности, тогда неопределенность порождает новые смыслы, положительные эмоции, возвышенные состояния, научный азарт и приводит к преобразованию подобных ситуаций [14]. То есть для определенных групп молодежи современный информационный век неопределенности является подходящим периодом развития радикалистской и экстремистской направленности.

Исследователи D. Webber и A.W. Kruglanski (2017) выделяют три взаимосвязанных фактора в основе развития радикализма молодежи – потребности, повествования и сети, которые являются теоретически жизнеспособными и эмпирически поддерживаемыми компонентами радикализации. Авторами подчеркивается индивидуальная мотивация, движущая радикальными действиями, – стремление к значимости, различные механизмы уменьшения неопределенности типа призывов к коллективизму и защите священных ценностей [15].

В наших исследованиях экстремизма выбор методологического направления исходит из выводов В.Е. Клочко (2005) о возможности рассмотрения человека в качестве открытой самоорганизующейся системы, которая «расширяется и усложняется за счет взаимодействия с внешним, делая его внутренним» [16]. В феноменологию проблемного поля исследования возможностей дерадикализации (как антитезе радикализации, подразумевающей когнитивную траекторию переосмысления радикалистской информации и радикального поведения) молодежи включены понятия самоопределения, самореализации, самоосуществления, жизненного пути и пр., что приближает к пониманию проблемы перехода от «возможного» к «императивному», «пребывающему в потенции», которая при определенных условиях обретает направленность [16].

В отношении понятия «радикализм» (а также соотношения понятий «радикализм» и «экстремизм») существует терминологическая путаница, так как семантика понятия «радикализм» связана с его прямым и переносным значением. Термин «радикализм» («радикалистский», «радикализация») происходит от позднелатинского *radicalis* – коренной (лат. *radix* – корень). В настоящее время он употребляется в двух значениях. В своем первом значении – это политическая реформаторская мысль и направление на общественные, политические, экономические и культурные перемены. В переносном, социально-психологическом, а не политическом смысле, – это динамичный образ действий, свойственный в основном молодежному контингенту, стремление идти до конца, добиваться изменений в любой деятельности. «Экстремизм» и «радикализм» – концепты, глубоко укорененные в общественном сознании как сугубо деструктивные, и А.В. Резникова (2016) указывает на когнитивную близость этих концептов и их слитность в единое понятие с точки зрения языковой конфликтологии [17]. Вторая, позитивная коннотация радикализма противоречит этому представлению. Действительно, в общепсихологическом смысле радикальными представляются мировоззренческие и поведенческие особенности молодежи, обусловленные их возрастными особенностями, проистекающими из свойств и динамики их психических процессов, сильной энергетики, романтических устремлений, своеобразных установок, иллюзорности восприятия и пр. Но при определенных средовых условиях, индивидуально-психологических особенностях, состояниях психологического и психического здоровья они могут обусловить участие молодого человека в экстремистских и радикалистских эксцессах. То есть с точки зрения возрастной психологии, психологии личности и социальной психологии в отношении свойств молодежи работает положительная коннотация понятия «радикальный», а с политической точки зрения – отрицательная как крайняя форма экстремизма.

В кризисные периоды жизни общества резко изменяется ландшафт жизненного мира человека, возникает угроза его существованию и привычному укладу жизни. Таким кризисным периодом можно считать сегодняшний. Неотъемлемым элементом современной жизни стала цифровая среда, повседневностью становится перетекание информации в коммуникацию, самоорганизацию и рост горизонтальных связей, так как виртуальная коммуникация отличается от привычного взаимодействия динамикой, качеством и количеством. «Новая цифровая социальность», проникновение цифровой среды в повседневность помимо позитивных возможностей несет в себе и различные угрозы. Одной из таких угроз является деструктивный контент, который провоцирует формирование и развитие уже отмеченных радикалистских настроений молодежи. Будучи творцом и актором цифровой среды, молодой человек переносит эту стилистику в повседневность, а далее в большинстве случаев латентным и спонтанным процессом может явиться трансформация ценностей.

Исследователи Ю.А. Антонова (2012), А.С. Быкадорова и соавт. (2016) отмечают, что экстремисты при подготовке сообщений для молодежи ис-

пользуют популярные среди них форматы – слоганы и символы, демотиваторы, мемы, подкасты, коллажи, фотографии, генераторы изображений и пр. Распространенными методами манипулирования являются психологические атаки, подмена понятий, ссылки на анонимные авторитеты, создание мнимых угроз и пр. Для молодежи привлекательными являются интерактивность коммуникации, отсутствие психологических барьеров для общения на разные темы, слоговой характер сообщений иногда шокирующего содержания, обязательное сопровождение постов картинками, призывы к конкретному действию, использование табуированной (бранной и нецензурной) лексики. Характерно, что под влияние подобных радикалистских дискурсов попадают как необразованные, так и достаточно начитанные, но духовно ограниченные молодые люди. Опираясь на мнение о том, что «сообщество в социальной сети – это не только объединение людей, но и набор продуцируемых участниками текстов (страниц) различных авторов, видеозаписей, фотографий, аудиофайлов, выкладываемых в рамках концепции группы», отмечается, что гипертекстуальность в этом случае может благоприятствовать распространению опасных радикалистских идей [18, 19].

Процесс дерадикализации как антитеза радикализации, как переосмысление радикалистской информации и радикального поведения подразумевает наличие определенной когнитивной траектории. В отечественном научном дискурсе термин «дерадикализация» практически не используется, встречаются лишь отдельные работы в области юриспруденции и пенитенциарной психологии. В программах дерадикализации предусматривается изменение когнитивных рамок радикализированных людей с целью предотвращения их вовлечения в насилие и реинтеграции в общество [20, 21]. Это подразумевает изменения в поведении путем как отказа от ассоциации с группами, совершающими насилие, так и отказа от насилия вообще [22]. Q. Wiktorowicz (2005) ввел понятие «когнитивного раскрытия» – момента, когда человек, сталкивающийся, например, с дискриминацией, социально-экономическим кризисом или политическими репрессиями, пытается осмыслить эти жизненные события, и внезапно его ранее принятые убеждения меняются, он становится уязвимым и восприимчивым к новому способу восприятия и мышления, и часто в структуре радикализированной идеологии [23].

Теоретические обобщения позволили отобрать методический инструментарий и сформировать дизайн серии эмпирических исследований в отношении определения когнитивных траекторий и личностных факторов психопрофилактических подходов к дерадикализации и деэкстремизации молодежи. Предварительным этапом было изучение особенностей влияния на молодежь деструктивной информации, приводящей ее впоследствии в радикалистский и экстремистский стан. Было реализовано трехэтапное исследование, где на первом этапе изучались представления молодежи о феномене экстремизма. На втором этапе стояла задача изучить в молодежной аудитории особенности формирования глубинных смысловых конструкций в отношении экстремизма. Третий этап был посвящен исследова-

нию особенностей зрительного восприятия деструктивных изображений, подобных распространяемым в Интернете, с использованием процедуры айтрекинга. Основной гипотезой исследования было предположение, что в изучении радикализации молодежи необходимо учитывать воздействующий информационный контент, в котором молодые люди взаимодействуют, самореализуются и получают большую часть представлений о мире.

Материалы и методы исследования

Нами был применен метод квазиэкспериментального моделирования с построением процедуры исследования и регистрацией ответов. «Квази», или «как бы», в психологии называются такие средства организации сбора данных, когда предполагается снижение форм экспериментального контроля при сочетании собственно экспериментальных и психодиагностических приемов воссоздания жизненной реальности.

Батарея психодиагностических методов на всех этапах исследования включала пять методик:

1) авторскую анкету, направленную на выявление ассоциаций в отношении разных форм и видов экстремизма. Ассоциативный принцип, заложенный в конструирование анкеты, позволяет проанализировать когнитивные структуры, стоящие за языковыми значениями, личностные смыслы в отношении слов-стимулов, смысловые конструкторы, наличие характеристик самоидентичности в отношении экстремизма, его видов и форм проявления;

2) тест «Смысложизненные ориентации» (СЖО) Д.А. Леонтьева (2000), позволяющий оценить «источник» смысла жизни;

3) тест самодетерминации Е.Н. Осина – модификацию шкалы самодетерминации К. Шелдона (Sheldon, 1995);

4) визуальные стимулы – изображения, отражающие социально значимые проблемы общества (национальные, политические, социальные). Всего в исследовании был апробирован авторский набор из девяти изображений, семь из которых представляли креолизированный текст деструктивного содержания. Это текст, фактура которого состоит из двух разнородных частей: вербальной (языковой / речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам). Для сравнения особенностей восприятия различных стимулов два изображения были фрактальными, гармоничными, которые вызывают обычно положительные ассоциации и переживания;

5) система высокоскоростного трекинга глаза SMI RED 500 с программным обеспечением SMI Experimental Suite 360° v.3.7 (производство SensoMotoric Instruments GmbH, Германия) для регистрации и анализа параметров глазодвигательной активности, проявляемых в процессе рассматривания деструктивных и фрактальных изображений. Анализировались саккады – согласованные движения глаз, играющие существенную роль в зрительном восприятии и целенаправленном поведении исследования окружающего мира.

Выборка исследования составила на всех этапах серии эмпирических исследований 515 человек в возрасте от 17 до 28 лет. Респонденты проживали в Сибирском федеральном округе и являлись студентами томских высших образовательных учреждений.

Результаты исследования и их обсуждение

На первом этапе исследования, в 2014 и 2018 гг., был проведен сравнительный анализ представлений о феномене молодежного экстремизма. В исследовании приняли участие 415 студентов различных вузов: 145 человек в 2014 г., 270 – в 2018 г. Студентам предлагалось письменно ответить на вопросы о том, какое событие у них ассоциируется с экстремизмом и какие эмоции они испытывают. В результате сравнительного анализа были отмечены следующие особенности: в 2018 г. обнаруживается смещение ассоциаций с экстремизмом от террористических актов к репостам и лайкам в социальных сетях; увеличилось ассоциирование экстремизма с религиозной тематикой и снизились ассоциации его с уличными драками, митингами, заложниками, взрывами, мигрантами, отдельными национальностями, Майданом, Украиной. Студентами чаще указывается Интернет как главный источник событийной информации. Сравнительный анализ эмоционально-оценочных ассоциаций студентов в отношении экстремизма позволил обнаружить следующие особенности: в 2018 г. по сравнению с 2014 г. феномен экстремизма вызывает у молодежи нейтральное отношение; негативная эмоциональная окраска связывается студентами не с внешними проблемами (как это было в 2014 г.), а с внутренними (власть, политика) [24. С. 7].

На следующем этапе исследования стояла задача изучить особенности формирования смысловых конструкторов студентов в процессе просмотра материалов деструктивного содержания. С этой целью была проведена серия групповых занятий, в которых приняло участие пять академических групп общей численностью 84 человека, состоящих из студентов вузов Томска разных направлений подготовки в возрасте от 18 до 25 лет. Сценарий групповых занятий включал предъявление визуальных стимулов, отражающих социально-значимые проблемы в обществе, которые по механизму проекции могли рассматриваться как проективные, актуализирующие радикалистские и экстремистские переживания. Интерпретация результатов исследования базировалась на теории В.В. Столина (1983) о трех взаимосвязанных компонентах самосознания: когнитивном – определенное представление и мнение об объекте; эмоциональном, или аффективном, – положительное или отрицательное отношения к объекту; поведенческом – готовность к определенному образу действий в отношении объекта, – что позволило исследовать отдельные области глубинных смыслов самосознания респондентов [25].

Результаты исследования с использованием визуальных посредников показали, что любой визуальный объект может вызвать отклик у аудито-

рии на эмоциональном и когнитивном уровнях в зависимости от контекста стимула и его значения для студента в рамках определенной молодежной культуры по механизму апперцепции – субъективности восприятия как его зависимости от интересов и склонностей, психического состояния в момент восприятия, предшествующего опыта, настроения, ожиданий. Сложный процесс восприятия молодежью радикалистской информации, очевидно, релевантен этому контенту, переполняющему современные информационные ресурсы.

Полученные данные по субъективному восприятию стимульной продукции определенного содержания обусловили включение в исследовательскую модель дополнительной задачи – изучения характеристик движений глаз при восприятии деструктивных и нейтральных (приятных) изображений путем использования процедуры айтрекинга. В основу этого исследования легло предположение о том, что существует определенная связь между личностными особенностями человека и тем, как этот человек исследует определенный тип визуальной информации, и что психологические характеристики взаимосвязаны с отдельными характеристиками глазодвигательной активности человека при изучении визуальной информации с деструктивной направленностью.

В пилотажном исследовании приняли участие 16 испытуемых, которые просматривали изображения без ограничения по времени, а после просмотра писали комментарии под каждым изображением. В качестве визуальных стимулов использовалось 9 визуальных стимулов – 7 деструктивного содержания и 2 изображения с позитивным содержанием. Для оценки визуального восприятия предъявляемых стимулов применялась система высокоскоростного удаленного бинокулярного трекинга глаз SMIREД 500. Для создания процедуры предъявления стимулов и последующего предъявления материала применялся программный модуль Experimental Center. Испытуемые сидели перед монитором со встроенной в него системой удаленной регистрации движения глаз и рассматривали предъявляемые им стимулы. После проведения эксперимента данные были экспортированы в программный пакет для анализа данных ВеGaze 2.x, при этом рассчитывалось время начала первой фиксации, среднее время фиксации, количество фиксаций, средний диаметр зрачка испытуемых по следующим зонам интереса [26]. Статистическая обработка данных была проведена с помощью программы Statistica.

В результате корреляционного анализа с помощью г-Спирмена были обнаружены взаимосвязи между такими параметрами, как средняя продолжительность саккады (в мс) и шкалы «Цели в жизни» ($r = -0,521$, $p < 0,05$) и «Локус контроля Я» ($r = -0,539$, $p < 0,05$), а также минимальная продолжительность моргания и показатель по шкале субъективного счастья ($r = -0,523$, $p < 0,05$). Эти взаимосвязи позволяют предположить, что респонденты с более высокими значениями по указанным шкалам сосредоточеннее рассматривали изображения экстремистской тематики. Также были обнаружены взаимосвязь между показателем СЖО «Локус контроля –

жизнь» с частотой фиксации взгляда ($r = 0,64$) и отрицательная взаимосвязь со средней дисперсией фиксаций ($r = -0,55$). То есть респонденты с более высокими значениями по шкале чаще останавливали взгляд на элементах изображения с меньшим разбросом в этих областях. Обнаружена положительная взаимосвязь частоты фиксации взгляда и значений показателя шкалы «Самовыражение» методики самодетерминации личности ($r = 0,51$). Более низкие значения по этой шкале у респондентов, которые реже останавливались на элементах изображения. Были выявлены положительные корреляции между показателем методики СЖО «Цели в жизни» и длиной пути взгляда ($r = 0,53$), а также показателем «Локус контроля – Я» и средней дисперсией фиксаций ($r = 0,6$). То есть испытуемые с более высокими значениями по шкале «Цели в жизни», скорее, «пробегали» взглядом по рисунку, а люди с более низкими значениями «Локус контроля – Я» фиксировали взгляд на меньших частях изображения.

Помимо этого, было проведено сравнение параметров глазодвигательной активности по усредненным данным для изображений деструктивной направленности, не содержащих текста, с аналогичными данными с контрольных изображений (природа и животные) для каждого респондента (Т-Вилкоксона). Результаты показывают, что после рассматривания изображений деструктивной направленности респонденты меньшее время ($p < 0,01$) разглядывали изображения природы и животных. Связанные с продолжительностью параметры также показали значимые изменения в увеличении количества фиксаций ($p < 0,05$), саккад ($p < 0,01$), морганий ($p < 0,05$), общего пути взгляда ($p < 0,05$). При этом возрастает средняя продолжительность фиксаций ($p < 0,05$) и уменьшается средняя продолжительность саккад ($p < 0,01$). Можно предположить, что после серии изображений, вызывавших напряжение, контрольные фотографии способствовали более спокойному рассматриванию.

Процедура айттрекинга показала, что существует определенная связь между личностными особенностями человека и тем, как этот человек исследует определенный тип визуальной информации, и это, в свою очередь, взаимосвязано с отдельными характеристиками глазодвигательной активности человека при изучении визуальной информации деструктивной направленности.

Выводы

Определено, что в эпоху информатизации, глобальной сети Интернет и возможностей коммуникации в качестве трибуны для пропаганды своих идей идеологи экстремистских движений и радикалистских групп получили дополнительные возможности активного воздействия на самосознание молодежи и на ее еще не устоявшуюся систему социокультурных координат, что послужило зарождению новой формы экстремизма – киберэкстремизма. Поэтому исследование особенностей восприятия молодежью деструктивного интернет-контента, изучение взаимосвязей между особенностями

восприятия и личностными характеристиками являются необходимыми для понимания механизмов радикализации посредством Интернета.

В экспериментальном исследовании были получены эмпирические данные, свидетельствующие о низком уровне рефлексии молодежи в отношении радикалистской (экстремистской) тематики и об ограниченном понимании социальных феноменов экстремизма и терроризма. Это непонимание и «не вникание в суть» определяют риск для молодых людей быть вовлеченными в радикалистские группировки без экстремистского мотива. Выявилось, что благодатная почва уязвимости молодежи в отношении влияния идеологии терроризма и экстремизма – юношеский максимализм, отсутствие жизненного опыта, ограниченность кругозора и неспособность к системному анализу, неуверенность в выборе жизненных целей, неудовлетворенность собой и окружающей средой.

Исследование с использованием визуальных стимулов, отражающих социально значимые проблемы в обществе, показало, что реакция молодежи на стимул зависит от качества контента, психического состояния, уровня самосознания, ценностных ориентаций и когнитивных способностей. В своих стратегиях вербовки вербовщиками изучаются и вычисляются нужные для них реакции молодежи – потенциальные мишени радикализации. То есть одним из механизмов дерадикализации является развитие социального и эмоционального интеллекта, что предусматривает выбор адекватных когнитивных траекторий ориентации в окружающем.

Пилотажное исследование процесса восприятия деструктивных изображений с использованием айтрекинга позволило предположить проявление выделенных психологических параметров, таких как отсутствие в жизни целей в отношении будущего, неверие в свои силы и неудовлетворенность жизнью, которые коррелируют с характеристиками глазодвигательной активности, – такие респонденты менее сосредоточенно рассматривали изображения. Испытуемые, которым свойственны более высокая уверенность в контроле над своей жизнью, умение свободно принимать решения и воплощать их в жизнь, чаще останавливали взгляд на элементах изображения с меньшим разбросом количества областей фиксации. Испытуемые с более высокими значениями по шкале «Цели в жизни» продемонстрировали больший «пробег» взгляда по рисунку, а люди с более низкими значениями «Локус контроля – Я» фиксировали взгляд на более удаленных друг от друга частях изображения.

Экспериментальные когнитивные фрагменты проведенного квазиэксперимента были частично релевантны процессу дерадикализации молодежного самосознания как предиктора его экстремизации. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что процесс дерадикализации молодежи возможен при психопрофилактической работе с личностными устремлениями и когнитивными паттернами молодежи. Подобная работа должна быть направлена на тех молодых людей, чья жизненная позиция позволяет предположить возможность их включения в поле экстремистской активности. Понимание механизма «когнитивного раскрытия» может научить молодежь самостоя-

тельно менять когнитивную траекторию как за счет развития когнитивных свойств личности, так и за счет развития личностных характеристик, свойств субъектности (автономии, самодетерминации, смысложизненных ориентаций, самоидентичности и т.п.). Это будет способствовать профилактике радикализации молодежи и дерадикализации уже вовлеченной ее части.

Отмечена назревшая объективная необходимость развития у молодежи умения делать сознательный личностный выбор в условиях лавинообразного нарастания количества информации и развития неопределенности глобализирующегося мира. В этом отношении потоку негативного контента могут противостоять осознанный выбор траектории жизнеосуществления, критическое мышление, общечеловеческие ценности, что послужит условием становления субъектности молодого человека, проявления его внутренней свободы и ответственного социального поведения.

Литература

1. Выготский Л.С. Психология искусства / общ. ред. В.В. Иванова. 3-е изд. М. : Искусство, 1986. 573 с.
2. Лурия А.Р. Психологическое наследие : избранные труды по общей психологии. М. : Смысл, 2003. 431 с. (Сер. Живая классика).
3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Смысл : Академия, 2004. 352 с.
4. Бауман З. Свобода / пер. с англ. Г.М. Дашевского; предисл. Ю.А. Левады. М. : Новое издательство, 2006. 132 с.
5. Гидденс Э. Устроение общества : очерк теории структуризации. М. : Акад. проект, 2003. 528 с.
6. Асмолов А.Г., Гусельцева М.С. Кому и как разрабатывать методологию психологии? // Сибирский психологический журнал. 2015. № 55. С. 6–4. DOI 10.17223/17267080/55/1.
7. Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен / под общ. ред. А. Асмолова. М. : Изд. Дом ЯСК, 2018. 546 с.
8. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 56 с.
9. Луман Н. Общество как социальная система. М. : Логос, 2004. 13 с.
10. Гусев А.И. Толерантность к неопределенности как составляющая личностного потенциала // Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2011. С. 300–329.
11. Леонтьев Д.А., Мандрикова Е.Ю., Рассказова Е.И., Фам А.Х. Личностный потенциал в ситуации неопределенности и выбора // Личностный потенциал: структура и диагностика. М. : Смысл, 2011. С. 511–546.
12. Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии выбора и риска // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1111-kornilova40.html>
13. Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна (1979) / пер. с франц. Н.А. Шматко. М. : Ин-т эксперим. социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. 159 с. (Gallicinium).
14. Соколова Е.Т. Культурно-историческая и клинико-психологическая перспектива исследования феноменов субъективной неопределенности // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2012. № 2. С. 37–48.
15. Webber D., Kruglanski A.W. Psychological Factors in Radicalization: a 3N Approach // The Handbook of the Criminology of Terrorism / eds. G. LaFree, J. Freilich. West Sussex : Wiley Blackwell, 2017. P. 33–46.

16. Ключко В.Е. Закономерности движения психологического познания и проблема метода науки // Методология и история психологии. 2007. Вып. 1. С. 5–19.
17. Резникова А.В. Когнитивная близость концептов «экстремизм» и «радикализм» в контексте современной этноязыковой конфликтологии // Вопросы теории и практики. Филологические науки. 2016. № 9 (63), ч. 3. С. 161–163.
18. Антонова Ю.А. Виртуальное сообщество в социальной сети как способ распространения экстремистской идеологии среди молодежи // Политическая лингвистика. 2012. № 4. С. 71–80.
19. Быкадорова А.С., Чурилов С.А., Шаповалова Е.В. Экстремизация молодежной аудитории сети Интернет // Казанский педагогический журнал. 2016. № 3 (116). С. 181–184.
20. Schmid A. Radicalisation, de-radicalisation, counter radicalisation: a conceptual discussion and literature review : ICCT Research Paper / The Hague, the Netherlands: International Centre for Counter Terrorism. URL: https://icct.nl/wp-content/uploads/2013/03/ICCT-Schmid-Radicalisation-De-Radicalisation-Counter-Radicalisation-March-2013_2.pdf (accessed: 03.07.2019).
21. United Nations. First report of the working group on radicalisation and extremism that lead to terrorism: Inventory of state programmes. 2008. URL: <http://www.un.org/terrorism/pdfs/radicalization> (accessed: 03.07.2019).
22. Butt R., Tuck H. European Counter-Radicalisation and De-radicalisation: A Comparative Evaluation of Approaches in the Netherlands, Sweden, Denmark and Germany // Tackling extremism: De-radicalisation and disengagement : Conference Report, Copenhagen, 8–9 May 2012 / Institute for Strategic Dialogue. 2012. URL: http://www.eukn.eu/fileadmin/Files/News/De-radicalisation_final.pdf (accessed: 03.07.2019).
23. Wiktorowicz Q. Radical Islam rising: Muslim extremism in the West. Lanham, MD : Rowman and Littlefield Publishers, Inc., 2005. 245 p.
24. Мещерякова Э.И., Бочаров А.В., Ларионова А.В. Динамика представлений студенческой молодежи об экстремизме: сравнительный анализ исследований 2014–2018 гг. // Организация работы с молодежью. 2018. № 6. URL: www.es.rae.ru/ovv/287-1261 (дата обращения: 19.01.2020).
25. Столин В.В. Самосознание личности. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. 284 с.
26. Айтрекинг в психологической науке и практике / отв. ред. В.А. Барабанщиков. М. : Когито-Центр, 2015. 410 с.

*Поступила в редакцию 09.12.2019 г.; повторно 20.02.2020 г.;
принята 25.02.2020 г.*

Мещерякова Эмма Ивановна – доктор психологических наук, заведующая лабораторией психологической экспертизы, профессор кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета.

E-mail: mei22@mail.ru

Ларионова Анастасия Вячеславовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета.

E-mail: anpavlar@mail.ru

Козлова Наталья Викторовна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой генетической и клинической психологии Томского государственного университета.

E-mail: akme_2003@mail.ru

Куликов Иван Александрович – старший преподаватель кафедры общей и педагогической психологии Томского государственного университета

E-mail: kulikov.ivan.tsu@gmail.com

For citation: Meshcheriakova, E.I., Larionova, A.V., Kozlova, N.V., Kulikov, I.A. Quasi-Experimental Modeling of Cognitive Trajectories and Personality Factors of Youth Radicalization and Extremalization Psychoprophylaxis. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2020; 76: 125–138. doi: 10.17223/17267080/76/8. In Russian. English Summary

Quasi-Experimental Modeling of Cognitive Trajectories and Personality Factors of Youth Radicalization and Extremalization Psychoprophylaxis

E.I. Meshcheriakova^a, A.V. Larionova^a, N.V. Kozlova^a, I.A. Kulikov^a

^a Tomsk State University, 36, Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation

Abstract

The authors divide, clarify and define the concepts of radicalism and extremism. With regard to youth activities, the idea of "radicalism" does not have such negative connotations as the idea of "extremism" (or similar connotations are inherent in it to a lesser extent). That is why radicalism can be considered as a more or less neutral phenomenon. De-radicalization is a necessary and effective way to prevent destructive (extremist) behavior of young people. In order to study how exactly destructive information influences on young people, a three-stage research experiment was implemented. The data obtained highlight low reflection of young people in relation to radical (extremist) topics. That way, the authors consider that young people are vulnerable to the influence of extremism ideology. An experimental study using visual stimuli that reflect socially significant problems showed that the reaction of young people to the stimulus depends on the quality of content, mental state, level of self-awareness, value orientations and cognitive abilities. When we studied perception process of the destructive images using eye tracking, we found that subjects with higher values on a scale of "Purpose in life" showed quicker look on the picture, and people with lower values of "Locus of control – I" fixed eyes at the more remote from each other parts of the image. Empirical evidence suggests that the process of youth de-radicalization is possible in case of taking psychoprophylactic actions with personal aspirations and cognitive patterns of youth. It is noted that there is an urgent objective need to develop young people's skills in making conscious personal choices in conditions of avalanche increasing of the information and the uncertain development of the globalizing world. In this regard, the flow of negative content can be opposed by conscious choice of the life trajectory, critical thinking, and orientation to universal values, which will serve as a condition to form subjectivity, to manifest one's inner freedom and responsible social anti-extremist and anti-radical behavior.

Keywords: youth; experiment; Internet space; destructive content; extremism; de-radicalization; uncertainty.

References

1. Vygotsky, L.S. (1986) *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of Art]. 3rd ed. Moscow: Iskustvo.
2. Luria, A.R. (2003) *Psikhologicheskoe nasledie: izbrannye trudy po obshchey psikhologii* [Psychological Heritage: Selected Works on General Psychology]. Moscow: Smysl.
3. Leontiev, A.N. (2004) *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity Consciousness. Personality]. Moscow: Smysl: Akademiya.
4. Bauman, Z. (2006) *Svoboda* [Liberty]. Translated from English by G.M. Dashevsky. Moscow: Novoe izdatel'stvo.

5. Giddens, A. (2003) *Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturatsii* [Organization of society: an outline of the theory of structure]. Translated from English. Moscow: Akad. Proekt.
6. Asmolov, A.G. & Guseltseva, M.S. (2015) Whom and how is to develop the methodology of psychology? *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 55. pp. 6–4. (In Russian). DOI 10.17223/17267080/55/1
7. Asmolov, A.G. (ed.) (2018) *Mobilis in mobili: lichnost' v epokhu peremen* [Mobilis in Mobili: a Person in an Era of Change]. Moscow: YaSK.
8. Beck, U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society. On the way to another Art Nouveau]. Translated from German. Moscow: Progress-Traditsiya.
9. Luhman, N. (2004) *Obshchestvo kak sotsial'naya sistema* [Society as a social system]. Translated from German. Moscow: Logos.
10. Gusev, A.I. (2011) Tolerantnost' k neopredelennosti kak sostavlyayushchaya lichnostnogo potentsiala [Tolerance to uncertainty as a component of personal potential]. In: Leontiev, D.A. (ed.) *Lichnostnyy potentsial: struktura i diagnostika* [Personal Potential: Structure and Diagnosis]. Moscow: Smysl. pp. 300–329.
11. Leontiev, D.A., Mandrikova, E.Yu., Rasskazova, E.I. & Fam, A.Kh. (2011) Lichnostnyy potentsial v situatsii neopredelennosti i vybora [Personal potential in a situation of uncertainty and choice]. In: Leontiev, D.A. (ed.) *Lichnostnyy potentsial: struktura i diagnostika* [Personal Potential: Structure and Diagnosis]. Moscow: Smysl. pp. 511–546.
12. Kornilova, T.V. (2015) The principle of uncertainty in psychology of choice and risk. *Psikhologicheskie issledovaniya*. 8(40). (In Russian). [Online] Available from: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1111-kornilova40.html>
13. Lyotard, J.F. (1998) *Sostoyanie postmoderna* [The State of Postmodernism]. Translated from French by N.A. Shmatko. Moscow: Institute of Experimental Psychology; St. Petersburg: Aleteyya.
14. Sokolova, E.T. (2012) Cultural-psychological and clinical-psychological perspectives of research on phenomena of subjective uncertainty and ambiguity. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya – The Moscow State University Herald. Ser. 14. Psychology*. 2. pp. 37–48. (In Russian).
15. Webber, D. & Kruglanski, A.W. (2017) Psychological Factors in Radicalization: a 3N Approach. In: LaFree, G. & Freilich, J. (eds) *The Handbook of the Criminology of Terrorism*. West Sussex: Wiley Blackwell. pp. 33–46.
16. Klochko, V.E. (2007) The logic of the development of psychological knowledge and the problem of the method of science. *Metodologiya i istoriya psikhologii – Methodology and History of Psychology*. 1. pp. 5–19. (In Russian).
17. Reznikova, A.V. (2016) Cognitive closeness of concepts “extremism” and “radicalism” in the context of contemporary ethno-linguistic conflictology. *Voprosy teorii i praktiki. Filologicheskie nauki – Philology. Theory and Practice*. 9-3(63). pp. 161–163. (In Russian).
18. Antonova, Yu.A. (2012) Virtual community in social network as a way of distribution of extremist ideology among young people. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 4. pp. 71–80. (In Russian).
19. Bykadorova, A.S., Churilov, S.A. & Shapovalova, E.V. (2016) The extremization of youngsters in the Internet. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal – Kazan Pedagogical Journal*. 3(116). pp. 181–184.
20. Schmid, A. (2013) *Radicalisation, de-radicalisation, counter radicalisation: a conceptual discussion and literature review: ICCT Research Paper*. The Hague, the Netherlands: International Centre for Counter Terrorism. [Online] Available from: https://icct.nl/wp-content/uploads/2013/03/ICCT-Schmid-Radicalisation-De-Radicalisation-Counter-Radicalisation-March-2013_2.pdf (Accessed: 3rd July 2019).
21. United Nations. (2008) *First report of the working group on radicalisation and extremism that lead to terrorism: Inventory of state programmes*. [Online] Available from: <http://www.un.org/terrorism/pdfs/radicalization> (Accessed: 3rd July 2019).

22. Butt, R. & Tuck, H. (2012) European Counter-Radicalisation and De-radicalisation: A Comparative Evaluation of Approaches in the Netherlands, Sweden, Denmark and Germany. *Tackling Extremism: De-radicalisation and Disengagement*. Conference Reports. Copenhagen, May 8–9, 2012. [Online] Available from: http://www.eukn.eu/fileadmin/Files/News/De-radicalisation_final.pdf (Accessed: 3rd July 2019).
23. Wiktorowicz, Q. (2005) *Radical Islam Rising: Muslim Extremism in the West*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield Publishers, Inc.
24. Meshcheryakova, E.I., Bocharov, A.V. & Larionova, A.V. (2018) Dinamika predstavleniy studencheskoy molodezhi ob ekstremizme: sravnitel'nyy analiz issledovaniy 2014–2018 gg. [The dynamics of student perceptions of extremism: a comparative analysis of research in 2014–2018]. *Organizatsiya raboty s molodezh'yu*. 6. [Online] Available from: www.es.rae.ru/ovv/287-1261 (Accessed: 19th January 2020).
25. Stolin, V.V. (1983) *Samosoznanie lichnosti* [Self-identity]. Moscow: Moscow State University.
26. Barabanshchikov, V.A. (ed.) (2015) *Aytreking v psikhologicheskoy nauke i praktike* [Aitracking in psychological theory and practice]. Moscow: Kogito-Tsentr.

Received 09.12.2019; Revised 20.02.2020;

Accepted 25.02.2020

Emma I. Meshcheriakova – Head of the Laboratory of Psychological Expertise, Professor, Department of Genetic and Clinical Psychology, Tomsk State University. D. Sc. (Psychol.), Professor.

E-mail: mei22@mail.ru

Anastasia V. Larionova – Associate Professor, Department of Genetic and Clinical Psychology, Tomsk State University. Cand. Sc. (Psychol.).

E-mail: vktusur@mail.ru

Natalia V. Kozlova – Head of the Department of Genetic and Clinical Psychology, Tomsk State University. D. Sc. (Psychol.), Professor.

E-mail: akme_2003@mail.ru

Ivan A. Kulikov – Senior Lecturer, Department of General and Pedagogical Psychology, Tomsk State University.

E-mail: kulikov.ivan.tsu@gmail.com